

Янь Кай

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭМОТИВНЫХ МЕЖДОМЕТИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ И. А. БУНИНА НА ФОНЕ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена проблеме анализа эмотивных междометий в художественных текстах И. А. Бунина на примере китайских переводов. Выделяется ряд способов выражения эмоций за счет использования междометий в речи персонажей. Получены выводы о том, что эмотивные междометия характеризует специфика конкретной языковой общности; при переводе на китайский язык переводчики либо опускают междометия, либо используют "эмоциональные эквиваленты", способные выразить ту же эмоцию, которую подчеркивает русское междометие.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-2/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 2. С. 181-184. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

INTERACTIVE APPROACH TO STUDYING NARRATIVE FORMATION IN SPEECH ONTOGENESIS

Yur'eva Nadezhda Mikhailovna, Doctor in Philology
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow
o.yuriev@list.ru

The article examines one of the modern approaches to studying narrative genesis in children's speech. This approach, intensively developed in foreign science, focuses on speech interaction of a child and grown-up in the narrative process. The paper provides methodological foundations, principles of analytical procedures, the basic results of researches concerning the interrelation of interaction and cognition in children's narrative. The author justifies the thesis that an interactive approach allows considering oral narrative in speech ontogenesis as a complex discursive phenomenon which includes conversational narrative.

Key words and phrases: conversational narrative; sequential model of narrative interaction; narrative competence; narrative development; integrities created together; eventfulness and importance.

УДК 81-119

Статья посвящена проблеме анализа эмотивных междометий в художественных текстах И. А. Бунина на примере китайских переводов. Выделяется ряд способов выражения эмоций за счет использования междометий в речи персонажей. Получены выводы о том, что эмотивные междометия характеризуют специфику конкретной языковой общности; при переводе на китайский язык переводчики либо опускают междометия, либо используют «эмоциональные эквиваленты», способные выразить ту же эмоцию, которую подчеркивает русское междометие.

Ключевые слова и фразы: эмоция; культура; лингвокультура; картина мира; междометие.

Янь Кай

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
ky_710@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭМОТИВНЫХ МЕЖДОМЕТИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ И. А. БУНИНА НА ФОНЕ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Человеческая речь в своем возникновении прошла определённый предварительный физиологический этап, который характеризовался наличием у человека только неосознанных выкриков, связанных с эмоциями и впечатлениями от окружающей действительности. Подобные выкрики превратились в междометия, которые выступали реакцией на определенные типы воздействий и сопровождали конкретные эмоции, позднее именно от них могли произойти и остальные слова [6, с. 22].

И. В. Зыкова отмечает, что первоначальное знакомство человека с миром происходит по каналам восприятия – зрительному, слуховому, обонятельному, вкусовому, осязательному [8, с. 27]. Поэтому человеческое чувственное познание мира разнопланово, представляет собой сложный процесс сбора, накопления и переработки информации всех органов чувств [Там же], а на базе переработанных данных развиваются чувственная и эмоциональная сферы человеческого сознания, что приводит к аккумуляции опыта и непрерывному росту информации [Там же].

По мысли А. Л. Никифорова, интерпретируя внешние воздействия с помощью органов чувств и знания, воплощенные в языке, мы конструируем образы предметов, их свойства, процессы, отношения между ними и получаем некую картину мира [15, с. 39-40]. По словам Л. О. Чернейко, *картина мира* представляет собой «абстракцию более высокого уровня, за которой стоит совокупность взглядов носителей определённой культуры на мир»; она может рассматриваться как «совокупность инвариантов мировоззрения, принятых в культуре» [19, с. 67].

Культура, по словам В. Н. Телия, является результатом восприятия мироздания [17, с. 776]; это мировидение и миропонимание определённого лингвокультурного сообщества, обладающие семиотической природой [18, с. 222]. В основе мировидения и миропонимания народа лежит своя система предметных значений, стереотипов и когнитивных схем. Поэтому человеческое сознание всегда этнически обусловлено; мировидение и миропонимание каждого народа нельзя перевести простым перекодированием на язык культуры другого этноса [14, с. 20]. По А. А. Леонтьеву, культура – это «своего рода указатель оптимального способа действий в мире и понимания мира» [13, с. 124]. Иными словами, можно полагать, что культура есть результат восприятия и понимания окружающего мира.

Как известно, эмоции принадлежат определённому миру и проявляются в конкретной культуре. Это значит, что, хотя эмоции свойственны носителю любого языка и национальной культуры, в разных лингвокультурах есть свои особенности в описании эмоционального переживания говорящего, его реакций на действительность, на участников общения, их поведение, а анализ эмотивности в художественном тексте позволяет выявить данные особенности, а также обосновать роль образных средств языка в концептуализации эмоций в разных лингвокультурах.

При определении *лингвокультуры* мы следуем за В. В. Красных, которая пишет, что это «воплощенная и закреплённая в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах культура, явленная нам в языке и через язык» [12, с. 123]. При этом лингвокультура формируется не знаками языка, за которыми стоят некоторые смыслы, но образами сознания, облаченными в языковые знаки [Там же].

Задача настоящей статьи состоит в выявлении особенностей проявления эмотивных междометий в художественных текстах И. А. Бунина, а также в рассмотрении проблемы их передачи при переводах на китайский язык. Говоря о междометиях, мы учитываем мнение И. А. Шаронова о том, что «междометия являются формами эмоциональной реакции на окружающую действительность» [21, с. 38]. И. А. Шаронов считает, что, с семиотической точки зрения, эмоциональные междометия относятся к «индексальным, или симптоматическим знакам, основная функция которых – познавательная-прагматическая: симптоматические реакции могут восприниматься как важная информация об объекте, при том что они не адресованы, не конвенциональны и имеют в своей основе природный характер» [20, с. 200]. Как утверждает Т. А. Казакова, междометие связано с эмоциональным состоянием, чтобы служить носителем эстетической реакции; более того, текст, перегруженный междометиями, воспринимается как недостаточно «чистый» с точки зрения художественного мастерства автора [11, с. 191]. Междометия могут обладать различной природой, что позволяет условно их разделить на две группы: 1) междометия обычные для данной языковой общности и 2) междометия индивидуальные, представляющие собой авторские неологизмы, которые используются в первую очередь в функции речевой характеристики [4, с. 249]. Этим частично объясняются и некоторые особенности переводов эмоций на китайский язык. Отметим, что специфичность междометий, по мнению Л. Ю. Буяновой и Ю. П. Нечая, состоит в их отличии от знаменательных частей речи – они не репрезентируют какой-либо объект окружающего нас мира, а передают субъективное отношение говорящего к определенному предмету или явлению [1, с. 93].

Для исследования мы выбрали рассказы И. А. Бунина и их переводы на китайский язык [23]. Основываясь на результатах проведенного анализа, нами было выявлено несколько эмотивно-тематических групп, к числу которых относятся следующие:

1. Радость

В психологии *радость* определяется как сильное удовлетворение. Вместе с тем Е. Л. Ильин выделяет радость в двух близких смыслах: как удовлетворение желаний, достижения цели, так и как «предвидение удовлетворения желания (предвкушения)» [10, с. 161]. При этом второй смысл радости, как утверждает ученый, «возникает как следствие уже свершившегося в мыслях желаемого события. Именно поэтому человек может испытывать радость и при мечтаниях, грезах» [Там же].

Например:

«– **Ах**, как хороша ты была! – сказал он, качая головой. – Как горяча, как прекрасна! Какой стан, какие глаза! Помнишь, как на тебя все заглядывались?» [23, с. 214].

Китайский перевод:

«**啊**, 你那时候可真美! » 他摇着头说, «那么热情, 那么迷人! 你的体态, 你的眼睛! 记得吗, 人人都盯着你看? » [Там же, с. 215].

В данном отрывке главный герой, Николай Алексеевич, вспоминает о том, как красива была Надежда в молодости, а также демонстрирует, что он не забыл о любви между ними. Как пишет С. Г. Воркачев, возникновение любви «связано с красотой предмета, со стрессовостью обстановки и наличием в алфавите чувств субъекта знака для соответствующей эмоции» [5, с. 54]. Л. Е. Вильмс, сопоставляя *любовь* в русском и немецком языковом сознании, утверждает, что любовь – *радостное чувство*, которое в русском языковом сознании прочно ассоциируется и рассматривается в триаде «любовь – душа – сердце» [3, с. 110] (выделено автором статьи. – Я. К.). Таким образом, эмоция *радости* в первую очередь проявляется во внутреннем состоянии человека. При этом отметим, что эмоция радости тесно связана с архетипическими оппозициями: *внутри – снаружи*.

Отметим также, что память и эмоция человека тесно связаны между собой. Например, в приведенном выше контексте главный герой постоянно вспоминает о красоте Надежды. При этом междометие «*ах*» в контексте передает следующие значения: «любовное восхищение» и «радостное воспоминание» о Надежде, также оно участвует в формировании общей эмоциональной картины мира персонажей. Для передачи русского междометия «*ах*» в китайском переводе используется «*а*».

2. Гнев

В русле психологии Е. Л. Ильин пишет, что человек при гневе чувствует себя раздраженным («*кровь кипит*»). Это сопровождается резким покраснением («*пылающий гневом*») или же побледнением лица, напряжением мышц шеи, лица и рук (сжатие пальцев в кулак) [10, с. 168].

Например:

«– **У**, старая собака! – крикнул он с тоскливой злобой на весь звонкий лес» [23, с. 80].

Китайский перевод:

«**该死的畜生!** » 他气急败坏地冲着整个回声很大的森林气急败坏地吼道。 [Там же, с. 81].

В данном случае междометие «*у*» функционирует в контексте эмоции гнева, усиливая ее. Для передачи данной эмоции, помимо междометия «*у*», в реплике героя используется также грубое обращение «*старая собака*». Отметим, что вся реплика «*У, старая собака!*» переведена на китайский язык с потерей метафоры (фраза героя – Андрея Стрешнева – обращена к споткнувшемуся мерину) и опущением междометия, но с сохранением передачи эмоции гнева: буквальный обратный перевод – «чертова сволочь». Не менее важным представляется и авторское описание вербального поведения героя: «*крикнул он с тоскливой злобой на весь звонкий лес*» [Там же, с. 80]. В данном случае подчеркивается негативное эмоциональное состояние героя (даже не просто «*злоба*», но еще и «*тоскливая*»), особо ярко проявляющееся на фоне описания «*луночного осеннего вечера, сырого и холодного*», но вместе с тем не исключающее и светлые ноты («*светлый дым разлужья*», «*белая изморозь, радужно сияющая трава*»), и в целом печально-прекрасное («*Осенняя печаль*

и красота!») [Там же]. Не случаен поэтому, думается, и «звонкий лес» («звонкий» в данном случае воспринимается как «гулкий из-за холодной прозрачности», если можно так сказать).

3. Интерес

Психолог К. Изард считает, что интерес – позитивная эмоция, при этом она переживается человеком чаще, чем прочие эмоции. Интерес – единственная мотивация, которая обеспечивает работоспособность человека. Кроме того, он насущно необходим для творчества [9, с. 105-106].

Например:

«– Ну, а что папа?» [23, с. 226].

Китайский перевод:

«舅舅怎么样?» [Там же, с. 227].

В данном контексте междометие «ну» в сочетании с частицей «а» помогает передать интерес героя по отношению к своему дяде. Междометие «ну» значительно усиливает впечатление заинтересованности героя в данном отрывке, в то же время в китайском переводе эквивалент междометия «ну» отсутствует, эмоция интереса передается контекстным построением фразы с помощью интонационной конструкции.

4. Страх

В психологии К. Изард считает, что страх «складывается из определённых и вполне специфических физиологических изменений, экспрессивного поведения и специфического переживания, проистекающего из ожидания угрозы или опасности» [9, с. 293]. М. К. Головановская, сопоставляя эмоцию *страх* в русской и французской культурах, определяет страх как отрицательную эмоцию, возникающую «в результате реальной или воображаемой опасности, угрожающей либо жизни человека, либо ценности (в самом широком понимании), которыми он дорожит» [7, с. 310]. По её мнению, страх возникает тогда, когда человек воспринимает окружающий мир, который он оценивает и ощущает опасным для самого себя и в контакт с которым он не хотел бы входить [Там же, с. 325].

Например:

«– Это на неё так гроза подействовала, – радостно сказала она шепотом, когда мы вышли в коридор, и вдруг насторожилась: – О, где-то пожар!» [23, с. 310].

Китайский перевод:

«是雷雨惊着她了。» 当我们来到走廊上的时候，她快乐地对我耳语道。突然，她惊惶地说：「呀，哪儿失火了！」 [Там же, с. 311].

В данном контексте междометие «о», полагаем, передаёт эмоциональные переживания страха персонажем. Особо отметим, что в переводе на китайский язык междометие «о» не сохранило своего «исходного» значения, а переведено как «呀» (букв. перевод: «я»); междометие «呀» в китайском языке обозначает «удивление», например: 呀! 下雪了! (букв. перевод: «Я! Пошел снег») [24, с. 1488]. Следует также отметить, что в данном контексте *пожар* вызывал чувство опасности у героя рассказа.

5. Печаль

С позиции психологии П. Экман утверждает, что *печаль* – это одна из самых продолжительных эмоций. После периода протестующего горя обычно наступает период смиренной печали, в течение которого человек ощущает себя абсолютно беспомощным, а затем вновь возникает протестующее горе, пытающееся вернуть потерю, затем снова наступает черед печали и т.д. [22, с. 114]. А. Вежицкая пишет, что чувство печали может быть описано с помощью семантических примитивов следующим образом: «случилось нечто плохое, а также, говоря более обобщенно, что результатом случившегося стала ситуация, которая тоже рассматривается как плохая» [2, с. 27]. В «Толковом словаре русского языка» отмечается, что печаль – это чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи [16, с. 516].

Например:

«Ах, милый, никакая я не Медуза, я просто баба и к тому уже очень чувствительная, одинокая, несчастная, но поймите же меня – ведь и у курицы есть сердце!» [23, с. 342].

Китайский перевод:

«唉! 我算什么墨杜萨, 我只不过是个女人, 而且是个很敏感的女人, 单身, 不幸您得理解我, 就是一颗母鸡也有一颗心啊!» [Там же, с. 343].

Междометие «ах» открывает фразу героини рассказа, которую она произносит во время описания крайне болезненного для нее эпизода из личной жизни. Вся история, которую она рассказывает о себе, наполнена горечью, разочарованием, глубочайшей печалью. Эти же чувства передаются и в приводимой фразе, когда героиня говорит о себе: «я просто баба», «очень чувствительная, одинокая, несчастная» (в скобках заметим, что образ Медузы в данном случае особой роли не играет: он возник из-за того, что герой рассказа, он же поведствователь, – художник, который захотел изобразить героиню именно в виде Медузы или Немезиды). При этом героиня имплицитно подчеркивает и собственную глупость, упоминая курицу («ведь и у курицы есть сердце!»), являющуюся в русской лингвокультуре эталоном глупости (отсюда «куриные мозги»). В данном случае междометие «ах» перевели на китайский язык как «唉» (буквальный обратный перевод: «ай»), что относится к морфологической системе междометий и означает «печаль и сожаление» [24, с. 5]. Полагаем, в данном случае перевод сохранил общее настроение печали, грусти, свойственное оригинальному тексту.

Итак, на основании проведенного анализа можно отметить следующее:

1) в проанализированных нами художественных произведениях И. А. Бунина междометия относятся, как правило, к первой из условно выделяемых групп, т.е. к числу междометий, характерных конкретной языковой общности [4, с. 249];

2) при переводе на китайский язык переводчики либо опускают междометия, передавая эмоцию с помощью других языковых средств (отдельных слов, словосочетаний и под.), либо используют «эмоциональные эквиваленты», способные выразить ту же эмоцию, которую подчеркивает / усиливает русское междометие;

3) для иностранного читателя существуют значительные трудности в понимании и интерпретации текстов, содержащих эмотивные междометия, потому что, во-первых, в одних и тех же ситуациях люди (тем более принадлежащие разным культурам) могут испытывать несколько различные эмоции; во-вторых, способы выражения даже одних и тех же эмоций могут значительно различаться в разных культурах (даже сама допустимость / недопустимость выражения тех или иных эмоциональных состояний далеко не одинакова); в-третьих, междометия как таковые (в том числе и эмотивные) все-таки не имеют прямого лексического значения (в истинном понимании), которое можно было бы однозначно толковать, по сути, они выполняют функцию неких «знаков» / «маркеров», которые не называют, но лишь сигнализируют о чем-либо определенном состоянии (в том числе эмоциональном).

В заключение отметим, в будущем для анализа эмотивных междометий, содержащихся в тексте (особенно в художественном), считаем необходимым проведение тщательного комплексного анализа всего текста с учетом его собственно лингвистической, лингвокультурологической и лингвокогнитивной составляющих.

Список источников

1. Буянова Л. Ю., Нечай Ю. П. Эмотивность и эмоциональность языка: механизмы экспликации и концептуализации. М.: Флинта; Наука, 2016. 232 с.
2. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
3. Вильмс Л. Е. Любовь // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. С. 102-111.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / под ред. Вл. Россельса. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
5. Воркачëв С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2007. 284 с.
6. Гируцкий А. А. Общее языкознание. Минск: Тетра-Системс, 2003. 304 с.
7. Головановская М. К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских. М.: Языки славянской культуры, 2009. 376 с.
8. Зыкова И. В. Культура как информационная система: духовное, ментальное, материально-знаковое. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 368 с.
9. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2012. 464 с.
10. Ильин Е. Л. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с.
11. Казакова Т. А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство СПбГУ, 2006. 224 с.
12. Красных В. В. Грамматика лингвокультуры, или Что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 122-130.
13. Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт. Воронеж: НПО «МОДЕК», 2001. 448 с.
14. Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания РАН, 1993. С. 16-21.
15. Никифоров А. Л. Чувственно-вербальное построение мира // Язык – знание – реальность. М.: Альфа-М, 2011. С. 9-66.
16. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2010. 944 с.
17. Телия В. Н. Послесловие, замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. С. 776-782.
18. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
19. Чернейко Л. О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 43-74.
20. Шаронов И. А. Междометия в речевой коммуникации // Эмоции в языке и речи: сборник статей / сост. И. А. Шаронов. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. С. 200-220.
21. Шаронов И. А. Междометия в речи, тексте и словаре. М.: РГГУ, 2008. 288 с.
22. Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. СПб.: Питер, 2013. 334 с.
23. 布宁短篇小说选 / 张建华主编; 陈馥译. 北京: 外语教学与研究出版社, 2006. 359 页 (Избранные рассказы И. А. Бунина / под ред. Чжан Дианхуа, пер. Чень Фу. Пекин, 2006. 359 с.).
24. 现代汉语字典. 第六版. 北京, 商务印书馆, 2012年. 1790 页 (Словарь современного китайского языка. Изд. 6-е. Пекин: Деловая пресса, 2012. 1790 с.).

LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF THE EMOTIVE INTERJECTIONS IN THE LITERARY TEXTS OF I. A. BUNIN AGAINST THE BACKGROUND OF THE CHINESE CULTURE

Yan Kai

*Lomonosov Moscow State University
ky_710@mail.ru*

The article is devoted to the problem of the analysis of emotive interjections in the literary texts of I. A. Bunin by the example of the Chinese translations. There are a number of ways to express emotions through the use of interjections in the speech of characters. The conclusions are drawn that emotive interjections are characterized by the specificity of a particular linguistic community. When translating into Chinese, interpreters either omit interjections or use “emotional equivalents” capable of expressing the same emotion as the Russian interjection emphasizes.

Key words and phrases: emotion; culture; linguoculture; worldview; interjection.